

— И после всего, что ты со мной сделал, ты ещё говоришь, что не знаешь?

— П-простите...

Ин Ю-Шин, осознавая свою вину, для начала ткнулся лбом в землю. Потом, украдкой поглядывая на него, осторожно возразил:

— Вы же сказали, что тогда думали только обо мне...

— И ты ещё осмеливаешься произносить это вслух. Наглости тебе не занимать.

Хён Гю-ха тихо усмехнулся. Выражение его лица выглядело так, будто он действительно забавляется, но Ин Ю-Шин, который совсем недавно с ним соприкасался, прекрасно видел это в автоматически появившемся статусном окне. Несмотря на улыбку, на первом месте в списке текущих эмоций значилось:

Жажда убийства.

Ин Ю-Шин с трудом сглотнул. Он даже не решался вручную открыть его статус — но был уверен, что и сейчас на первом месте всё та же жажда убийства.

— Ладно. Раз уж хозяин говорит, что ничего не знает, значит, придётся показать.

Хён Гю-ха снял куртку для езды и небрежно швырнул её. Ин Ю-Шин машинально поймал её, а Хён Гю-ха тут же стянул и футболку. Посреди бела дня, на крыше, обнажилась его грудь.

Ин Ю-Шин ахнул.

И вовсе не потому, что перед ним оказался полуголый мужчина, тело которого было куда внушительнее, чем его собственное. Хотя и это, конечно, поражало. Его мышцы не выглядели накачанными в спортзале — они были выточены реальными боями, не тяжёлые, а изящные, словно у статуи. Даже многочисленные шрамы не уродовали тело, а смотрелись как татуировки.

Но больше всего Ин Ю-Шина потрясло другое.

На левой стороне груди Хён Гю-хи — там, где должно быть сердце, — были выведены два иероглифа.

Ю-Шин верит только ему.

Ин Ю-Шин закрыл глаза и снова открыл. Потёр их и посмотрел ещё раз — имя никуда не исчезло. Его собственное имя, да ещё и заботливо продублированное буквами, чтобы не было сомнений.

— К-к-как там оказалось моё имя...

— Не тыкай в людей пальцем.

Ин Ю-Шин вздрогнул и поспешно опустил руку.

— Ч-что... что это вообще такое?

— Когда я вернулся домой после того дня в банке, оно уже было там.

— Э-это... не тату?

— Ты сейчас хочешь сказать, что я специально сделал себе тату с твоим именем и вру? Зачем мне это?

— Н-ну... и правда...

Ин Ю-Шин нёс что попало от паники. Хён Гю-ха некоторое время молча смотрел на него, а потом схватил за запястье.

— Тогда потрогай.

Он не успел даже понять, что это значит. Моргнул — и его ладонь уже лежала на татуировке, то есть на голой груди чужого мужчины.

[Текущий статус: жажда убийства. Раздражение.]

— А-а-а...

Прежде чем он успел заорать, дверь с грохотом распахнулась.

— Всё-таки на крыше курить приятнее, чем в курилке, только подниматься лень... Ох!

— Ч-что... э-э-эк!

Увидев сцену «один мужчина полуголый, а другой трогает его за грудь», люди выпучили глаза. Хён Гю-ха спокойно сказал:

— Я вообще-то занят.

— П-простите, что помешали, охотник!

— Приятно вам провести время!

Они в панике захлопнули дверь и сбежали с крыши.

Помешали... чему именно? Какое ещё «приятное время»?..

Глаза Ин Ю-Шина наполнились слезами.

— М-можно я уже уберу руку?..

— Если понял, что это не стикер-тату.

— Понял...

Когда Хён Гю-ха отпустил его запястье, Ин Ю-Шин поспешно отдернул руку. Ладонь всё ещё помнила прикосновение: твёрдое, как сталь, тело, при этом кожа — удивительно гладкая...

«Очнись, идиот! Какая разница, какая у него грудь!»

Ин Ю-Шин изо всех сил пытался выкинуть из головы это ощущение. Он впервые слышал, чтобы при приручении на теле существа появлялось имя хозяина. Хотя сама мысль о том, что можно приручить человека, и без того была безумной.

Хён Гю-ха, уже одевшийся, некоторое время молча наблюдал за тем, как у Ин Ю-Шина каждую секунду меняется выражение лица, а затем заговорил:

— Начнём с моего положения. С того самого момента в банке мне всё время казалось, будто кто-то меня зовёт.

— ...

Звал. «Седьмой, седьмой.....»

Вспомнив, как Хён Гю-ха тогда несколько раз оборачивался, Ин Ю-Шин захотел дать себе по губам.

— Даже после того как я передал грабителей полиции, ощущение не пропало. Трудно описать, но... будто я от чего-то оторван, мне тревожно, я не могу успокоиться. Мысли всё время возвращаются к одному и тому же, пока сознание будто не вязнет в этом.

— ...

— Проще говоря, как будто я, чёртова ручная псина, испытывал тревогу от разлуки с хозяином.

— ...

— Весь день я мучился от этого непонятного состояния, а потом пришёл домой и увидел вот это. Слово. Как будто имя человека.

— ...

Ин Ю-Шин не находил слов. Они ему были ни к чему.

— Сначала я и не подумал, что это имя. Ну сам посуди: какой псих не будучи сталкером станет вырезать своё имя на теле другого человека? Да ещё на мне. Так ведь?

— ...

— Так ведь?

— Д-да... совершенно справедливо...

Ин Ю-Шин всё больше съёживался. Пусть он и не сделал этого нарочно, но то, что не проверил всё как следует, было его ошибкой. С каждым воспоминанием температура вокруг будто падала ещё на градус.

— Я подумал, что это проклятие, — продолжал Хён Гю-ха. — Поднял все связи, обошёл целителей и чистильщиков. Но это не проклятие. Ничего не снимается. Знаешь, что они мне сказали, когда я описал симптомы?

— ...

— Что мне пора в психушку.

— ...

— Как ты думаешь, какие чувства я испытал?

— ...Н-ну... наверное, было очень... обидно и тяжело...

— Ещё?

— И... вы были в ярости...

— Соображаешь.

На его губах мелькнула усмешка, но холод в воздухе никуда не делся.

— Я решил, что виновник — тот, с кем я столкнулся в банке. Разобрался сначала с грабителями, потом добыл материалы по делу и посмотрел. И знаешь, что я там увидел?

— Моё имя...?

— Экзамены в госслужбу, значит, не зря сдавал.

— Я... вообще-то контрактник...

— Отвечай только на то, что я говорю.

— Д-да.

Ин Ю-Шин дрожал всем телом. Янтарные глаза, пристально смотрящие сверху вниз, пугали до ужаса.

— Я пришёл сюда с мыслью наплевать на все законы о охотниках и разорвать тебя в клочья.

— Х-и-и...

— Но как только я тебя увидел, в голове будто молния ударила.

«А, вот он. Мой хозяин».

Ин Ю-Шин прочитал эту фразу по движениям его губ — и задрожал ещё сильнее. Он понимал: человек, который пришёл убивать виновника, узнал, что его насильно «приручили».

Будь он на его месте, он бы тоже захотел задушить виновного. А у Хён Гю-хи были и силы, и средства, чтобы убить — и замести следы.

— Ну а теперь твоя очередь объяснять, — лениво кивнул Хён Гю-ха. — Если причина меня устроит, я не стану пытаться тебя в подземелье. Убью сразу и без боли.

Так он всё-таки собирался пытаться...

Ин Ю-Шин с трудом разлепил дрожащие губы:

— Я... я укротитель. F-ранга... И, кажется, по ошибке приручил вас, охотник Хён Гю-ха.

Он рассказал про сбой в системном окне, подчёркивая, что ни в коем случае не собирался приручать человека. Но Хён Гю-ха, казалось, слушал вполуха.

— Хм. Приручение...

Его заинтересовало только это слово.

— Что людей можно приручать — впервые слышу. Но допустим. Тогда скажи: приручение можно снять? Насколько я знаю — нет.

Способов было всего два. Смерть приручённого существа. Или смерть того, кто его приручил.

И Хён Гю-ха, прошедший через все круги жизни охотника, это прекрасно знал. Он прищурился, потирая подбородок.

— А ты когда-нибудь видел мир глазами приручённого существа?

— Н-нет...

— Мне это крайне неприятно. Ощущение, что мои чувства больше не подчиняются моей воле, — это, черт возьми, отвратительно. Даже сейчас разум хочет тебя убить, но при этом есть инстинкт, которому спокойно от того, что я не отдаляюсь от тебя и продолжаю с тобой разговаривать. Ты вообще можешь представить, что это за чувство?

<http://bllate.org/book/12408/1214870>